

Dr84
K39
A-375910

НОВАЯ ИМПЕРИЯ

Михаил Кильдяшов

**АЛЕКСАНДР
ПРОХАНОВ –
ЛОВЕЦ ИСТОРИИ**

ор 84
К 39

ор 84

83.3(2=411.2)6-8 Проханов А.

Михаил КИЛЬДЯШОВ

**АЛЕКСАНДР
ПРОХАНОВ –
ЛОВЕЦ ИСТОРИИ**

а - 345910

ТМ

Москва
«Вече»

кр

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Да светится в веках моя Империя!

Вещи и дела, аще не написаніи бываютъ, тмою покрываються и гробу безпамятства предаются, написавшіи же яко одушевленіи.

Слово сохраняет все. Когда человеческая память истончается и день вчерашней становится тонким сном, когда «Дон имен» готов исчезнуть «в океане времен», писатель становится ловцом истории, расставляет ловушки для времени.

Зафиксировать, поймать время может только тот, на чьей судьбе, как на камне, время оставило свой зыбкий след. Так, судьба Александра Проханова — это огромный путевой камень, где сделаны метки нелегких русских дорог.

Слово Проханова ловит след времени, высекает его, как древние письмена. И в этих письменах рассказ о Родине: о ее великих трудах и грозных войнах, о ее крушении, возрождении и Пасхальном сиянии. В этих письменах то, мимо чего прошли, о чем позабыли или промолчали другие. В этих письменах история становится мифом.

Миф — не сказка, не выдумка, не заблуждение. Миф — это сверхреальность, сверхправда, рывок за пределы естества и вещности. Когда все зримое, слышимое и осязаемое одушевляется мифом, открывается инобытие, наполненное вечными смыслами.

Миф — мечта, зовущая в небо. Миф — сила, позволяющая одним скачком преодолевать космические расстояния. Пульси-

рующую и рассыпающуюся реальность миф упорядочивает, концентрирует и направляет, ведет ее к свету тернистым, но единственно верным путем.

Каждый век рождает своих мифотворцев. Они проясняют и очерчивают все, что для других было отзвуками и отблесками, находят слова для невыразимого, краски для неизобразимого. Собирают, как в реакторе, энергию минувшего века, чтобы запустить маховик века грядущего. Миф за мифом, словно чудесную фреску, складывают свою мифологию.

Мифология Проханова создала образ неумирающей Империи, где русская история спаялась с русским пространством, где не отторгли друг друга красные и белые смыслы, где в небесную синеву устремлены и космическая ракета, и купол собора, где человек, природа и машина сложились в единый организм, где о России возвещают хоругвь с ликом Христа и красное знамя с серпом и молотом. Эта Империя светится, как звезда Победы, и святится, как имя Творца.

Мифология Проханова отлита в его книгах в драгоценные слитки. В них явлены образы ускользающего времени: подвижники и герои, пламенные идеи, горячие очаги распространившихся по всему свету войн, упования народа, взлеты и падения страны.

Каждый роман Проханова подобен гулкому стуку сердца, резкому сердечному сокращению, разгоняющему поток времени по мощному телу страны. Роман за романом, удар за ударом возникает таинственная синусоида сердцебиения, отражающая всплески социальной энергии, историческую аритмию, ускоренный или замедлившийся темп бытия.

Из нескольких таких синусоид складывается прохановское творчество. Они могут пересекаться и накладываться друг на друга. Творческий импульс может возвратиться в прошлое и помочь прозреть будущее, отделить историческую хронологию от

хронологии литературной, и тогда время, делая замысловатый вираж, устремляется за словом.

Книги Проханова — это мифы, во многом определившие вектор нашего движения. Но и сам Проханов, его судьба, его борьба — это тоже загадочный миф. Русский миф XXI века. Кто он, кудесник русского мифа? Солдат Империи, склеивший свою кровью «двух столетий позвонки». Боец с автоматом в руках, вместо пули зарядивший сердце. Мученик, пошедший вместе с Родиной на Голгофу. Мечтатель, прозревший образ грядущего возрождения. Поэт, в чьих устах слово обрело великую силу.

Каждая книга Проханова — дивный цветок, готовый вот-вот раскрыться и показать миру что-то ранее неведомое, пугающее и манящее. Каждая книга — плотный кокон, из которого высвобождается неземной красоты бабочка и влечет к райским садам. Каждая книга — мощнейший заряд, способный в любую секунду сдетонировать и рассыпать в незримом пространстве множество идей и открытий.

Пусть в новом столетии страна посмотрит в небо глазами Проханова. Герои его романов войдут живыми людьми в XXI век. Пусть мысль Проханова определит философию этого века.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВОЛШЕБСТВА

Вошедшие в первые книги Проханова повести и рассказы создавались в ту пору, когда молодая столичная интеллигенция пустилась в странствия по России. Наполненная философскими спорами, классической и современной поэзией, восхищенная новейшей техникой, прорвавшаяся в Космос молодежь окунулась в мир фольклора, говоров, народных промыслов. В мир, где древние иконописные лики взирали не с музейных стен, а из красного угла. В мир, где жило особое знание — не рожденное в учебных аудиториях и лабораториях, а по капле собиравшееся, как ручей, из поколения в поколение теми, кто непрестанно возделывал землю и молитвенно взирали в небо. Теми, для кого в щебете птицы, в шепоте колосьев, в движении реки была сокрыта особая тайна мироздания.

Городские интеллигенты «тогда поклонялись прошлому, грелись в его исчезающих за горизонтом лучах». Коренное и исконное, но забытое и ставшее экзотикой, им предстояло вновь сделать своим, чтобы в пестрой писанке увидеть не просто причудливую роспись, но целый космос русского мира и сопрячь его с Космосом, в который устремилась ракета. Так нарождался особый космизм, где было необходимо одухотворить технический порыв современников и осмыслить сакральный опыт предков.

Человек, устремившийся в будущее, раздвинувший горизонты до внеземного пространства, вдруг ощутил свою

неполноту, усеченность, оторванность от живой земли. Он стал подобен страннику, забывшему в долгом пути место своего исхода. Сознательно или интуитивно интеллигенция того поколения поняла, что именно через деревню можно воспринять русский мир во всем его многоцветии — временном, пространственном, метафизическом. Это было предчувствием волшебства.

«ИДУ В ПУТЬ МОЙ»

Первая книга подлинного писателя — это не просто проба пера, сосредоточение творческого слуха и зрения, поиск своего голоса. Первая книга — предощущение собственной жизни. На страницах этой книги берут начало все «пути и средоточия». Здесь мир предстает целостно, объемно, хоть пока и «как бы сквозь тусклое стекло, гадательно». Этим миром захлебываешься, зачаровываешься и восторгаешься. О нем хочется сказать все и сразу, *«описать весь мир, живой и мертвый, до той туманной черты, где рождаются молодые планеты и льется на вселенную тихое зарево».*

И уже потом, постепенно начинаешь всматриваться в каждую грань, каждую линию сверкающего объемного кристалла. Все глубже и глубже проникаешь в свои первые прозрения, возвращаешь их, как семена, из которых возникнет дивный сад.

Первая книга — это греза о будущем. Упование на то, что она вберет в себя жизнь во всей полноте, покажет ее в ином, никому не ведомом раньше, сиянии и волеет в мир новые смыслы.

В первой книге автор и герой — одно целое. Между ними нет даже тончайшей грани. Ты еще не наделяешь своим опытом разных персонажей, а говоришь от первого лица, предстаешь во всем естестве. Первая книга — самая исповедальная, в ней ты посылаешь миру весть о себе: «Иду в путь мой».

Герой первой книги Проханова оставляет университет, прощается с городскими пейзажами, чтобы узреть неведомый мир: *«...хочу уехать, раствориться в огромности земли, что Россия манит меня и томит, и рано или поздно я брошу все, и дом свой и близких, и уйду вслед за теми, жившими прежде меня, которые извелись этой русской тоскою странствий: черные бурки от усадеб своих усакали по южным дорогам, лапотники, с одной сумой пылившие за Урал»*. Прохановского героя влечет тоска очарованного странника, тоска тех первопроходцев, что расширяли русские горизонты, тоска калик переходных, искавших Китеж-град, Беловодье, «город всеобщего благоденствия», где все живут в ладу и согласии.

Героем движет *«древнее чувство земли и пространства»*. Но трагедия человека в том, что он «временем обижен»: пространство велико, а время быстротечно. И чтобы постичь тайну мира, нужно примирить время и пространство, уравнивать одно с другим, найти то место, где время течет иначе, где для него есть иная мера.

Это инобытие времени прохановский герой обретает именно в деревне. Здесь время многомерно, разновелико. Порой оно течет как в сказке: зыбко, неуловимо, долго ли, коротко ли. Кажется, что время еще не родилось, не поставило засечки на жизни человека. А если даже кого-нибудь настигнет старость или смерть, то чудесный герой раздобудет молодильные яблоки и живую воду.

Порой время деревни археологично. Оно врывается через тектонические разломы пространства, когда вскрываются древние курганы, обнажается жизнь праотцов: *«Иван стоял над обугленной ямой и сквозь палящее солнце, сквозь пал старинного неведомого пожара видел не черные бревна сгоревших срубов, а хрустящие свежие колья, жесткую зелень травы у ворот, красный цветок на окне. Видел крепкие печи с живым огнем, жаркие хлебы и быстрые руки, скрипучие кровати под пологом, глазастых ребятишек с деревянными куклами. Кто-то входит*

со стуком в дом, гремит на цепи медный ковш, капель звенит о бадью, и птица легкой тенью промчалась над крышей, а теперь только темная яма и гнилая земля на его башмаке». Кажется, что под этими культурными слоями продолжается жизнь, копится сила, которая через поля и луга втекает в ныне живущих, питает хлеба, цветы и травы. Кажется, что праотцы своими избами и могилами подпирают землю, чтобы не разверзлась пропасть, чтобы жизнь не канула в черную бездну.

Порой время деревни циклично. Для него нет вчера, сегодня и завтра. Солнце от восхода до заката идет по кругу, а жизнь *«как огромное колесо, перевитое ветром и травами, крутится в спелых хлебах»*. Спелые хлеба — мерило этого времени, урожай отсчитывает дни и ночи, недели и месяцы, зимы и лета, смыкает их в бесконечный круг.

Порой время деревни линейно. Оно пишет летопись, рождает земное летоисчисление. Но история здесь легендарна, она живет не фактами, а поверьями, как в дописьменные времена передается из уст в уста. День вчерашний в дне сегодняшнем уже рождает предание. Так, воевавшие в Гражданскую и Великую Отечественную войну спустя всего несколько десятилетий уподобляются былинным богатырям, остаются в новом фольклоре мучениками и страстотерпцами, приходят к потомкам звездным сиянием, бликом луны, завораживающим ночным видением.

Порой время деревни апокалиплично. Здесь хранят пророчества о конце света, будто снять осталось только последнюю печать, будто всадники Апокалипсиса уже грядут: *«Будет такое время, когда людей на земле не станет. Такая война пройдет, что людей не останется. Чтoб человеку человека сыскать, семь лет ходить надо»*. Этот конец миру старики видят в нынешнем дне, пугаясь прозрений пращуров: *«...запоет камень, и птица с железным клювом взлетит, и все небо путами оплетут, — тут и свету кончина»*.

Но как свидетельство жизни вечной в деревне дышит Божественное время. Оно превышает земного времени. Это небесная вечность, в которую с земли можно только смотреть, на которую можно только уповать. Божественное время пребывает на земле в молитве и храмовых росписях: *«конь на стене шевелится, что там за ушами, за выгнутой гривой еще много пространства и воздуха, пыльная травяная обочина и луг, по которому можно пойти. Туда и ушли все те, кто стоял в этой церкви с незапамятно давних времен, жег неяркие свечи, святил куличи и яйца. По дорогам пылила татарская конница, хвосты у коней были подвязаны русскими рушниками, и вдовы с тихими плачами убредали в луга, ставили негасимые свечи. А теперь за Великой качается иван-чай, и белый конь из туманов въезжает в розовый град. А над всем — удивленный ангел с острым соколиным крылом»*. Так соединяется земное и небесное, так время становится вечностью, а пространство — бесконечностью.

В деревне человек одолел время, укротил его, научился поворачивать его вспять, разгадал его природу, уловил движение: *«...время, как его повернуть, то тянется, тянется, а то и нет его... Сижусь я, к примеру, под этим дубом, и облак надо мной проплывает, тихо течет. И смотрю я, как течет он за озеро, и мыслям своим обратный ход даю. Как, чего оно было, как жил и что видел, как в церковь ходил, как женился, кто когда помер, кто с войны не пришел. И так вот, на облак глядячи, по второму разу живу. И ночью не спишь, ворочаешься, мыслям снова обратный ход даешь, как день прошел, с кем говорил, чего видел. Вот время твое в третий раз оборачивается»*. Ось времени сомкнута деревенским человеком в кольцо. Он нашел точку отсчета времени и встал в центре этой системы координат.

Потому на нем сошлось прошлое, настоящее и будущее. Поэтому человек деревни — не одиночка. Он звено в родовой цепи, в нем встречаются предки и потомки, узнают и благословляют

друг друга. В человеке обретают жизнь уже ушедшие и еще не родившиеся: *«Вот мы встретились с тобой на том узком белом проселке, а потом в нашем сыне, слились, переливаясь в нем неразрывно. А в каждом из нас — отец наш и мать, а в них еще и еще. Два наших долгих рода вошли в молоко и кровь и создали нашего сына. И где-то в нем в каком-нибудь горячем уголке звенят сейчас свадьбы, прабабки мои костромские топчут по сухим половицам, рвутся и сыплются бусы, звякают чарки, румяные деды целуются, охмелев за столом».*

Человек встречает своих предков на старых фотографиях, откуда взирают их лики, узнает в них себя, чувствует, как вливаются в него их судьбы, мечты, устремления, горести и радости. Человек читает имена предков в помяннике, молится за их упокоевание и просит их заступничества перед Богом. И в каждом имени сияние неугасимого света жизни. И каждое имя, как родное прикосновение.

Человек живет за тех, кто ушел раньше срока, за тех, кто сложил голову за отчий дом, за други своя. Нерастроченная сила рода укрепляет человека. Невыплаканные слезы рода текут по его щекам. Человек ест свой хлеб за голодавших, радуется солнцу за тех, кому не хватило тепла: *«Я чувствую, как во мне собираются силы всего моего истребленного рода, прадеды, деды, отец мой, все, кто не мог довести, кого гибель захватила в цветенье, — они перелили в меня свои горькие сильные соки, и я чувствую в себе их напор. Я словно зерно, уцелевшее от целого поля, и несу в себе силу и свежесть истребленного до срока жнивья — все дожди, упавшие в зеленые гривы, все восходы и луны, всех косцов, унесших на остром железе молоко незрелых хлебов».* И все они, родные и светлые, в настоящем, все живы, все рядом, когда вырываешься из времени.

Человек становится собирающей линзой рода, в которой, как солнечные лучи, концентрируются жизни. Человек — это лист на

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66